

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВОМИР
В НЕСКОЛЬКИХ
СТРОКАХС труппы
«Советской культуры»
и ТАСС

о времени, о жизни, о себе

И С Т И Н А
В К И Н О И
Н А Я В У

«Интервью с Бардо? Не надейтесь напрасно, она давно не принимает журналистов...» Так мне отвечали всюду, куда бы я ни обращалась.

Моя настойчивость объяснялась интересом не столько к прошлому и настоящему известной актрисы, сколько к социальному явлению, каковым она стала, к мифу, в который превратилась. Как миф, которому уже без малого тридцать лет, «соотносится» с женщиной, которой без малого пятьдесят?

И вдруг звонок от одного из тех, кому я — без шансов на успех, «на всякий случай» — оставила номер своего телефона:

— Вам представится небывалая возможность: присутствовать при трехчасовой беседе с Бардо, которая должна сопровождаться показом массы архивных фото- и кинодокументов, хроники, свидетельств друзей и коллег... Где состоится беседа? У вас дома. Не забудьте лишь вовремя включить свой телевизор три воскресных вечера подряд.

...Телевизор включен. Магнитофон тоже. Миф — на экране. Миф — говорит. И сразу — задающее тон всей передаче объяснение причин, побудивших нарушить долгий обет молчания.

БРИЖИТ БАРДО: «За меня всегда говорили другие. Наговорили слишком много вздорного, глупого. Я решила восстановить, наконец, истину... Кроме того, меня беспрерывно спрашивают, как я сейчас живу, чем занимаюсь, не скукаю ли без кино. Ответить каждому я не в состоянии. Поэтому отвечаю всем сразу».

Передача названа «Брижит Бардо — такая, какая есть». Думаю, ее автор на меня не обидится, если от себя добавлю подзаголовки к каждой из трех частей, на которые она поделена.

Итак, часть первая:

Как рождается миф

Сначала была девчонка с характером и с комплексами («До слез стеснялась очков и зубной пластинки»), из чопорной и холодной буржуазной семьи, проживающей в 16-м округе — самом сытом и сонном районе Парижа. За случайно разбитую вазу наказанные: называть родителей на «вы».

БРИЖИТ БАРДО: «С того дня родной дом стал ненавистен. Только и ждала возможности, чтобы вырваться на свободу».

Помог классический танец. Брижит занимается им упорно и самозабвенно, мечтая о карьере балерины. Балетная студия при консерватории настраивала на серьезный труд. А тут неожиданно совсем несерьезное предложение: позировать для женского журнала «Жарден де Мод».

БРИЖИТ БАРДО: «Первые снимки на всю полосу заставили загордиться... Но очень скоро все это неизбежно начинает вызывать у любого нормального человека отвращение».

«Жарден де Мод» попался на глаза кинопродюсеру Пьеру Бронбергеру. Он снял трубку и набрал телефон родителей Брижит: «Ваша дочь создана для кино». Те поспешно привели под руки упирющуюся пятнадцатилетнюю девочку в платице с белым воротничком. Нетерпеливо подтолкнули к порогу, за которым находился неведомый мир. Для них он был воплощением сказочной роскоши. Для нас — ответственности и притворства.

БРИЖИТ БАРДО: «В ранних фильмах я старалась говорить не своим голосом, все делать, не как в жизни. Мне казалось, что так я буду больше нравиться».

Она не нравитсянисколько. Сыплется град обидных оценок, заставляющих «мечтать о реванше»: «посредственная, вульгарна, хуже не бывает».

А как сделать, чтобы было лучше?

Молодой режиссер Роже Вадим угадал: оставаться естественной, играть себя и только. С трудом вырвав кредит —

никто не хочет иметь дело со старлеткой, «гарантирующей провал», — он ставит «И бог создал женщину».

И вдруг что-то происходит. На ту, «хуже которой не бывает», валят толпы. Ее имя — на всех устах. Ее вечно надутое личико, растиражированное миллионами экземпляров, — на стенках всех газетных киосков, на ветровых стеклах такси и автобусов.

Не просто успех — всеобщее сумасшествие, фанатизм, како-то при жизни не знала, пожалуй, и одна актриса. (Вмонтированная в интервью кинохроника того времени прекрасно доносит этот «взрыв»). Девчонки шьют платья в мелкую клеточку и сооружают «невообразимые» прически «под Брижит», носят голову так же высоко и гордо, как она, смеются тем же внезапным коротким смехом, так же надувают губы и «по-балетному» выворачивают носки при ходьбе...

В чем дело? В дни, что отделяли первую передачу от второй, я не раз задумывалась над этим. Не в таланте — хотя отрицать его было бы опрощением (мы к этому еще вернемся). Не в пленительной внешности — хотя тут редко встретишь два мнения. Не в личности — хотя она имеется, сильная, яркая. («Еще в детстве к ней тянулись как к магниту, ей покорялись, за ней шли», — вспоминает ее младшая сестра). Во всем понемногу? Тайный сплав? Наверное. Но было еще и другое. Франция пятидесятых годов представляла собой соединение всяческих буржуазных условностей, живой морали и лицемерного воспитания.

Бардо уже в детстве восстала против этого. В фильме «И бог создал женщину...» копившаяся, бессознательно зревшее неожиданно бурно выплеснулось наружу, опьянив своей вызывающей, провоцирующей смелостью тысячи подобных ей. Никогда раньше традиционное французское и американское кино, причисленное по всем правилам «хорошего тона», не «выпукло» на зрителя таких неправдашных «чертовых девчонок» (название одной из ранних лент Бардо. — Е. К.), так бесцеремонно ниспровергающих нормы и отрицающих нафталиновые добродетели, так отчаянно рвущихся к полной независимости во всем.

Увы, пока молодежь наивно упивалась «свободной» манерой поведения, которую она копировала со своего идола, Брижит познавала иллюзорность той самой свободы, что была ею так легко — или легкомысленно — провозглашена.

Об этом — вторая часть:

В плену у мифа

Брижит Бардо больше не существовало. Вместо нее была легендарная Б. Б. Она могла сниматься в чем угодно, играть как угодно — все покупалось «на корню», за огромные деньги. Покупалось не только это. Любое ее слово, вздох, слеза — все подстерегалось, выслеживалось ненасытной прессой и продавалось все более ненасытному читателю — глотателю сплетен. Из ее личных драм, расставаний, разводов, встреч пеклись трехгрошовые романы с продолжением, затоплявшие газеты и журналы.

БРИЖИТ БАРДО: «Я не могла выйти за покупками. За мной тут же увязывался хвост фотографов-сыщиков... Однажды я переделала старую идиотскую за город, довольная, что удалась, наконец, их обвести вокруг пальца. Как бы не так: через полчаса к тому месту, где я находилась, причалила лодка с «охотниками»...».

Слежка достигает апогея в период, когда Бардо ждет ребенка.

БРИЖИТ БАРДО: «Три месяца я сидела дома, как в заточении. С плотно задернутыми шторами на окнах. С охраной у дверей. Рожать тоже пришлось в своей

По-разному складываются судьбы мастеров западного искусства. Как часто приходят к нам сообщения о том, что популярный актер, музыкант, режиссер пытался покончить жизнь самоубийством, что кто-то погибает в больнице от наркотиков и алкоголя.

В капиталистическом мире с его бессовестной ложью о «свободе творчества» искусство прежде всего — товар. Вынужденный продавать свой талант, актер на Западе попадает в тиски буржуазного предпринимательства с его рыночными законами, его рекламой, которая неутомимо диктует человеку правила жизни, манеру поведения, даже образ мысли. Не каждому в таких условиях удается сохранить свой талант, индивидуальность, просто душевное равновесие.

Французское телевидение показало документальный фильм «Брижит Бардо — та я, какая есть». Облик этой актрисы, ее жизнь, о которой она сама рассказывала с экрана, ее фильмы дают серьезный материал для размышлений о месте женщины в капиталистическом обществе, о судьбе актрисы в западном мире.

квартире: слишком рискованно было выйти хоть на минуту... До меня доносился ронот толпы, дежурившей у подъезда. Журналисты оцепили дом, спали прямо на тротуаре... Жуткий, кошмарный сон...»

Кошмару не было конца. Ее личный секретарь, испытанный, давний друг, совершает предательство: за баснословные деньги тайно шпигет и выпускает подпольную, насквозь лживую книжонку — набор щекощущих нервы подробностей жизни «звезды».

Деньги и ложь. Актрисе начинает казаться, что этим напитано, выпачкано все вокруг. «Отстаньте от меня!» — кричит она во время одного из назойливых телеинтервью. Крику не верят. Он воспринимается как очередная выходка «чертовой девчонки», которую теперь ей придется играть в жизни. Именно мняется. Ибо, восторженно водрузив идола на пьедестал, толпа обывателей, подзуживаемая прессой, считает себя вправе не только поклоняться ему, но и требовать, чтобы идол был таким, каким она, толпа, пожелает, судить и, препарировав, разглядывать в лулу — вдоль и поперек, как свою собственность.

Плата за славу стала непосильной. Осенью 1960 года, через несколько месяцев после рождения сына, она глотает горсть снотворных таблеток...

БРИЖИТ БАРДО: «Я действительно не хотела тогда жить... но неумело действовала... К счастью».

Однако ей снова не верят, продавцы газет кричат на всех перекрестках о «лжесамобийстве, как в кино»...

Об этой трагедии актрисы несколько лет спустя режиссером Луи Малем был поставлен фильм «Частная жизнь».

БРИЖИТ БАРДО: «Я согласилась на эту ленту ради того, чтобы публика поняла, какова участь знаменитости. Хотела, чтобы она почувствовала, что я не кукла. Хотела передать свой страх, одиночество, отчаяние — то, что составляет оборотную сторону отливающейся золотом медали... Видимо, не получилось. На меня снова шли как на зрелище, как на фарс...»

Признаюсь: ожидая этого трехчасового интервью с Брижит Бардо, о котором, естественно, заранее шумела пресса, я тоже в какой-то мере готовилась к зрелищу. Но вот из трех часов уже два мы провели вместе. И «яд мифологии» полностью рассосался. Под пластами наложенного чужими руками грима оказалась прямодушный, остроумный человек, лишенный фальши и стремления «казаться». О своих ошибках, болях, разочарованиях говорил без кокетства, здраво, просто: «Все металась, искала жажду перемены, не понимая, что счастье — в терпении». О себе как актрисе судит без малейшего снисхождения: «Актерского призвания никогда не имела. Актриса как была, так и осталась никакая».

Но так ли уж справедлив ее жестокий самосуд? В ходе телепередачи ее автор, он же ведущий, не раз давал микрофон режиссерам и актерам, работавшим вместе с Брижит. Все они сошлись в одном: Бардо имела данные, чтобы стать настоящей, большой актрисой. Обладала непосредственностью, интуицией в сочетании с профессиональной добросовестностью. Однако ее почти никто никогда не учил, не направлял. Кинематограф чаще всего пользовался ею как «наживкой», не заботясь о том, чтобы найти роли, соответствующие ее натуре... Было несколько настоящих работ: «В случае несчастья» Клода Отан-Лара, «Отдых воина» Роже Вадима... Была неплохая комедия «Бабетта идет на войну»... В 1960 году, в то самое время, когда у нее на горле сжималось кольцо сенсаций и скандалов, она снялась в «Истине» А. Ж. Клузо, признанной сегодня лучшей ее лентой. И заставила всех взглянуть на себя по-новому.

«Истина» могла стать важным поворотом в судьбе. А стала лишь яркой, короткой вспышкой — в силу причин, которые объясняет сегодня телеисповедь актрисы.

На многое проливает она свет. В том числе на ее решение уйти из кино и посвятить себя защите животных, что столько раз истолковывалось как самореклама.

БРИЖИТ БАРДО: «Я чувствовала себя загнанным зверем. За мной охотились с фотоаппаратом, как с пулеметом: «та-та-та-та». И понемногу убивали... Вот почему мне так больно видеть, как преследуют зверей».

Так говорит она в конце второй части. И перекидывает мостик к третьей:

От мифа — к себе

В 1973 году, сняв свой 46-й фильм, та, которая еще недавно послужила моделью для нового бюста Марианны — символа, олицетворяющего Францию, — отказывается впредь что-либо олицетворять, кроме себя самой, отказывается сниматься.

БРИЖИТ БАРДО: «Уже когда Мэрилин Монро покончила с собой, я поняла, что кино может быть опасно. Смертельно... Поэтому позже захотела уйти, чтобы спастись».

Почему именно в 73-м, не раньше и не позже?

БРИЖИТ БАРДО: «Ситуация стала слишком напоминать супругов, которым нечего больше сказать друг другу. Кино ничего мне не могло дать, я ничего не могла дать кино».

К этому французы долго не могли привыкнуть: их «национальная» Брижит Бардо стала просто мадам Бардо, стала активным членом Международного общества защиты животных! Недовольно посмеивались и все ждали: опомнитесь, надоест. Потом поняли: нет, не

надоест, это всерьез и надолго. Наверное, навсегда.

БРИЖИТ БАРДО: «Каждая минута моего существования заполнена теперь до предела. Огромная почта. Мне пишут отовсюду, где животным угрожает бессмысленная человеческая жестокость. Я принимаю все, что в моих силах. И если удастся помочь, бываю счастлива».

«Люди тоже нуждаются в помощи», — замечает ведущий.

БРИЖИТ БАРДО: «Конечно... Но мне легче, лучше с животными. Люди обманывают, предаются. Настоящих друзей я могу пересчитать на пальцах одной руки. Звери — вот настоящие мои друзья».

И она треплет по шее одного из восьми английских сеттеров, чья свита весело сопровождает ее, куда бы она ни ступила.

В устах иного человека слова эти могли бы шокировать, прозвучать кощунством. Но у меня перед глазами стоят вызывающие ужас кадры из второй части фильма: толпа репортеров и «посклонников», ревушая под окнами рожающей актрисы, готовая растерзать ее, выходящую из машины... Нет, ее наивное бегство к зверям, как говорится, не от хорошей жизни «на людях».

Большую часть времени она теперь проводит в своем загородном доме в Провансе.

БРИЖИТ БАРДО: «Хожу на рынок за продуктами, как любая другая женщина. Готовлю обед, накрою уют в комнатах, ухаживаю за цветами... Каное же это удовольствие — быть снова собой!»

Надо было пройти через все круги «адаской славы», чтобы вот так оценить обыкновенные мелочи жизни. И надо было обладать, однако же, незаурядным характером, чтобы после всех этих кругов не растерять жизнелюбия и естественности, не пресытиться, не впасть в отчаяние.

Ну а миф — тот самый, изучаемый социологами и психологами со всего света? Что думает сегодня она сама о нем?

БРИЖИТ БАРДО: «Не знаю. Мне это неинтересно».

А мировая слава? Совсем не нужна?

БРИЖИТ БАРДО: «Напротив. Наконец-то содвинулась... Всюду, где мое имя может помочь спасти животных, я им пользуюсь без стеснения. За это — спасибо славе. И если завтра я смогу сказать, что жизнь прожита не напрасно, то только благодаря этому делу, изменившему мой мир».

Интервью окончено. В нем нет фальшивых нот. Покончено ли с мифом, «замешанным» на фальши? Мне захотелось узнать, что об этом думает создатель передачи — режиссер Ален Бугрэн-Дюбур. Вот его слова:

— Когда после долгих колебаний Брижит решила сделать этот фильм, то потребовала: во-первых, никакого грима и «выгодных» ракурсов; во-вторых, свести съемочную группу и технику до минимума; в-третьих, вопросы ей задавать без предварительных «консультаций» и снимать без дублей. Все эти условия были подчинены одному: желанию, чтобы ей, наконец, поверили, чтобы ее поняли я... забыли идола.

Для этого первого и последнего «выяснения отношений» следовало, считала она, устранить из передачи малейший намек на «кино», — продолжает режиссер. — Думаю, что и меня она избрала своим «исповедником» прежде всего потому, что я не из мира кино, который она теперь «обходит за версту», а из «Мира животных» — так называется передача, которую я постоянно делаю и веду на телевидении.

По-моему, не поверить ей нельзя. А вот насчет того, чтобы забыть... Мифы оказываются порой живучее правды. Они проникают глубоко в сознание. И расставаться с ними не любят. К тому же они доходны. Так что боюсь, что и миф Б. Б. будет еще долго жить. Он — сам по себе. Брижит Бардо — сама по себе. Такая, какая есть.

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ.